

10.01.01 17.82.00
УДК 801.8

Л.И. ГАВРИЛОВА

*кандидат филологических наук, доцент
независимый исследователь (г. Курск, Россия)
E-mail: laragavs@mail.ru*

И.С. ШМЕЛЕВ И ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ПУШКИНСКИЙ КОМИТЕТ В ПАРИЖЕ

В статье обращается внимание на деятельность Центрального Пушкинского Комитета в Париже, его вклад в культурное наследие русского зарубежья. Отдельно рассматривается место и роль И.С. Шмелева в данном проекте русских эмигрантов первой волны.

Ключевые слова: *Шмелев, Центральный Пушкинский Комитет в Париже, русское зарубежье, Зарубежная Россия и Пушкин, литературная эмиграция.*

L.I. Gavrilova

*Candidate of Philological Sciences, Assistant Professor
Independent Researcher (Kursk, Russia)
E-mail: laragavs@mail.ru*

I.S. SHMELEV AND THE CENTRAL PUSHKIN COMMITTEE IN PARIS

The article draws attention to the activities of the Central Pushkin Committee in Paris, its contribution to the cultural heritage of the Russian diaspora. The place and role of I.S. Shmelev in this project of Russian emigrants of the first wave.

Keywords: *Shmelev, Central Pushkin Committee in Paris, Russian emigration, Russia Abroad and Pushkin, literary emigration.*

Центральный Пушкинский Комитет в Париже (1935–1937) явился одним из уникальных проектов, созданных русскими эмигрантами для всемирного чествования символа русской культуры А.С. Пушкина в 1937 г. Отметим, что сама деятельность Комитета и его вклад в сохранение и приумножение русской национальной культуры в условиях эмиграции долгое время оставались малоизученными, да и сегодня ряд вопросов его деятельности требует более детального научного подхода, при этом его вклад в культурное наследие русского зарубежья абсолютно очевиден.

Как отмечает Н.Н. Примочкина, «революция 1917 года разделила жизнь и творчество многих русских писателей на две совершенно разные, не похожие друг на друга части. Это событие осознавалось, переживалось и отражалось в творчестве разных

представителей русской культуры с различной степенью глубины и остроты» [7, с. 9]. Жизнь и творчество И.С. Шмелева в данном контексте не стали исключением. Эмиграция стала для него суровым испытанием и «необычайно усилила в Шмелеве ностальгическую любовь к Родине» [11, с. 17]. Кроме того, «история эмиграции – это еще и история бесчисленных сломленных судеб и личных трагедий» [5, с. 10–11]. Страшный факт в биографии Шмелева лишь тому подтверждение: гибель единственного сына Сергея в 1921 году усилила чувство беспомощности и бесцельности своего существования в условиях последующей эмиграции, при этом писатель пытался «активно заниматься творческой работой, сохраняя в своих произведениях память об особенном русском укладе жизни и быта» [3].

И.С. Шмелев был мастером «выразительной краткости» [1, с. 23], в условиях эмиграции эта художественная выразительность только усилилась, приобретая трагические ноты безмерной тоски по родине. К его художественному почерку относились по-разному. В одном из своих писем Н.Н. Берберова писала: «Читал Шмелев, как читали в провинции до Чехова: с выкриками и бормотаньем, по-актерски. Читал захолустное, елейное, о крестных ходах и севрюжине. Публика была в восторге и хлопала» [2, с. 481]. Как бы то ни было, Шмелев стал одним из ярких и самобытных писателей русского зарубежья, творчество которого долгое время не было должным образом воспринято на родине.

Известно, что Шмелев проживал в Париже с 1923 г. За время пребывания во французской столице он стал членом парижского Союза русских писателей и журналистов, членом Центрального Пушкинского Комитета в Париже. Как отмечает А.М. Зверев, «Париж был не только столицей Рассеянья, но в каком-то смысле действительно главным центром, где продолжались лучшие традиции отечественной мысли и культуры» [6, с. 21]. Отношение Шмелева к Парижу было многоликим и это не случайно: у писателя было свое видение европейской культуры. Объясняется это тем, что тяжелая эмигрантская жизнь лишь упрочила непонимание как самой европейской ментальности, так и ее духовных традиций. В этом отношении Шмелев часто противопоставлял Европе идеализированную им же самой Россию с ее нравственно-культурными ценностями, отсюда «этот далекий Париж, призрачный город сказки» [12, с. 455], оголивший все струны его души, лишний раз продемонстрировал чужбину как иноземное пространство с ее чуждой картиной мира, поэтому неслучайно появилось: «Солнце как будто светит, но это не наше солнце... – подводный какой-то свет, бледной жести» [12, с. 455].

Париж, как и вся Франция, стал сердцевиной русской эмиграции. Многочисленные исторические документы, архивы, литературные публикации, воспоминания современников, лишний раз доказывают это. Париж стал представлять собой своеобразный «русский мир» в условиях эмиграции, где сложилась особая духовно-нравственная атмосфера. И все же, как пишет Георгий Адамович:

За все, за все спасибо. За войну,
За революцию и за изгнание.
За равнодушно-светлую страну,
Где мы теперь «влачим существование».
Нет доли сладостней – все потерять.
Нет радостней судьбы – скитальцем стать,
И никогда ты к небу не был ближе,
Чем здесь, устав скучать,
Устав дышать,
Без сил, без денег,
Без любви, в Париже...

В течение двадцати лет (с 1919 по 1939 год) французская столица становится важным политическим и культурным центром русской диаспоры, где такие понятия, как «русский Париж», «русское общество в изгнании» приобретают особый смысл. «Русских Парижей» было несколько, и это было связано с самими периодами существования русской эмиграции во Франции, которые делятся на 20-е и 30-е годы. Одним из ярких «русских Парижей» является редко упоминающийся сегодня Монпарнас, ставший одним из ярчайших центров общественной, художественной и культурной жизни русских на чужбине. Особое внимание заслуживают многочисленные литературные кружки, литературные объединения, приюты для нуждающихся, мастерские художников, занимающихся сохранением и приумножением духа русской культуры. Что касается «русского общества в изгнании», то оно объединяет деятельность представителей самых разных социальных слоев и политических партий.

Отметим, что с середины 1920-х годов А.С. Пушкин становится наиболее значимой и влиятельной фигурой в эмигрантской среде, а пушкиниана Зарубежной России представляет собой «мощное общеэмигрантское идеологическое оружие, ориентированное на массы» [8, с. 34]. Она включала в себя не только литературные произведения и огромное количество переизданных произведений самого поэта, но и колоссальный труд переводчиков, работу художников-иллюстраторов, театральных и музыкальных деятелей, многочисленные выставки по разным странам мира и многое другое. Благодаря Пушкину эмигранты

спасли себя как морально, так и физически. Безусловно, главное достояние Пушкинианы – это напечатанные тексты. Отметим, что именно они «позволяют потомкам говорить о пушкиниане Зарубежной России как о непреложном свидетельстве величия русского духа в изгнании» [9, с. 11].

Присутствие Пушкина Шмелев ощущал на протяжении всей своей жизни. Символ русской культуры стал для писателя одной из главных духовных опор в условиях эмиграции, а точнее – «воплощением национального самосознания стало для писателей-эмигрантов творчество Пушкина» [4, с. 29]. Имя Пушкина дало возможность не только сохранить, но и приумножить этническое самочувствие большинства русских в эмиграции. Шмелев воспринимал творческое наследие великого русского поэта как художественное совершенство, неисчерпаемость художественного таланта; акцентировал внимание на многоплановости самих пушкинских текстов.

Имя Шмелева относится к ряду наиболее активных пушкинистов русского литературного зарубежья, что впоследствии нашло свое выражение и в деятельности Центрального Пушкинского Комитета в Париже, который был образован в 1935 году. За время своего двухлетнего существования Комитет подготовил и провел небывалые по размаху мероприятия, связанные со всемирным прославлением Пушкина, но наиболее значимым стало празднование сотой годовщины смерти великого русского поэта.

Центральный Пушкинский Комитет активно занимался издательской деятельностью. Благодаря чему было издано юбилейное однотомное собрание художественных произведений Пушкина, которое позволило, в том числе, познакомить западноевропейскую культуру с гением русского слова. Кроме того, были выпущены открытки с портретом поэта кисти Кипренского, а также была оказана помощь членам семьи Пушкина в виде стипендии и денежной выплаты. Посредством Комитета были изданы «Письма Пушкина к Н.Н. Гончаровой», юбилейный выпуск «Евгения Онегина» и многое другое.

Немалый интерес представляет пушкинская выставка, которая стала одним из самых ярких моментов в деятельности Центрального Пушкинского Комитета в Париже. Она продемонстрировала западным зрителям мир русской культуры пушкинской эпохи через редкие экспонаты. Самыми известными русскими газетами и журналами в Париже, такими как «Последние Новости», «Возрождение», «Иллюстрированная Россия», были выпущены специальные отдельные

номера, посвященные жизни и творчеству Пушкина.

В целом благодаря деятельности Центрального Пушкинского Комитета в Париже программа пушкинских торжеств отличалась большим разнообразием: лекции, собрания, концерты, встречи, где имя Пушкина раскрывалось с новой силой и талантом.

Отметим, что его чествование в 1937 году представляло собой не просто массовое культурное мероприятие, но и политическую акцию, ставшую самой крупной политической акцией за всю историю Зарубежной России, что показывают многочисленные свидетельства современников. В связи с этим большая часть парижских публикаций стала политизированной, хотя встречались достойные работы историко-литературного и мемуарного жанров. К ним относятся труды И.С. Шмелева, В.Ф. Ходасевича, Б.К. Зайцева и других. В своем «Откровении», опубликованном в 1937 г. в газете «Пушкин. Однодневная газета», Шмелев отметил: «... Пушкин – все наше бытие... Есть у народов Книги – священные откровения. В години поражений народы черпают силы в них. Сердце нам говорит, что есть у нас наше откровение – Пушкин» [10, с. 441]. Как и многие участники Центрального Пушкинского Комитета в Париже, Шмелев видел единственную опору и символ русской культуры – в Пушкине.

Таким образом, Зарубежная Россия представляла собой Россию в миниатюре, и деятельность Центрального Пушкинского Комитета в Париже – это «сконцентрированное самописание “ордена” российской интеллигенции» [10, с. 40]. Многие публикации того времени были преданы забвению или стали архаичны по своему содержанию, но это не умаляет роль Центрального Пушкинского Комитета в пушкиниану Зарубежной России и шире – в культуру русского зарубежья в целом. Все его организаторы и участники внесли весомый вклад в историю развития и приумножения пушкинской темы в условиях эмиграции.

1. Александров Е. Пути земные и небесные // Свой. 2018. № 10. С. 20–24.

2. Берберова Н.Н. Курсив мой: автобиография / вступ. ст. Е.В. Витковского; коммент. В.П. Кочетова, Г.И. Мосешвили. М.: Согласие, 1996. 736 с.

3. Головкин Н. «Я знаю: придет срок – Россия меня примет!» // Камертон. Сетевой литературный и исторический журнал. 2020. № 128. [Электронный ресурс]. URL: <https://webkamerton.ru/2020/06/ya-znayu-pridyot-srok-rossiya-menya-primet> (дата обращения: 29.03.2022).

4. Дзыга Я.О. «Пушкин – все наше бытие»: (пушкинский вектор в творчестве И. Шмелева) // Русская словесность. 2010. № 1. С. 28–33.

5. Доронченков А.И. Эмиграция «первой волны» о национальных проблемах и судьбе России. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 214 с.

6. Зверев А.М. Повседневная жизнь русского литературного Парижа. 1920–1940. М.: Молодая гвардия, 2003. 371 с.
7. Примочкина Н.Н. Два «Винограда» Ивана Шмелева: метаморфозы образной символики в творчестве писателя до и после революции 1917 г. // Литература в школе. 2018. № 1. С. 9–11.
8. Филин М.Д. Зарубежная Россия и Пушкин. Опыт изучения. Материалы для библиографии (1918–1940). Иконография. М.: Дом-Музей Марины Цветаевой, 2004. 432 с.
9. Центральный Пушкинский Комитет в Париже (1935–1937): [в 2 т.]. Т. 1. [сост., предисл. М.Д. Филина]. М.: Эллис Лак, 2000. 606 с.
10. Центральный Пушкинский Комитет в Париже (1935–1937): [в 2 т.]. Т. 2. [сост., предисл. М.Д. Филина]. М.: Эллис Лак, 2000. 559 с.
11. Черников А.П. Песнь о России: быт и бытие в романе И.С. Шмелева «Лето Господне» // Литература в школе. 2017. № 8. С. 17–22.
12. Шмелев И.С. Солнце мертвых [пред. В.И. Мельника]. М.: ДАРЪ, 2017. 384 с.